

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ПЫЛАЮЩАЯ ПОЛНОЧЬ

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д30

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1108

Художник
И. Воронин

Демченко А. В.
Д30 Пылающая полночь: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 314 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2656-0

В далеком прошлом мир потряс грохот копыт четырех коней, чьи всадники возвещали апокалипсис. Миновали столетия с тех пор, как человечество, совершив фатальную ошибку, рухнуло с пьедестала. И сейчас словосочетание «царь природы» звучит насмешкой в адрес выживших, точнее — выживающих. Утеряны технологии, забыты знания, но люди отчаянно цепляются за жизнь и вновь возводят города и государства, отвоевывая землю у застывшей мир черноты. Клочок за клочком под звон освященных колоколов они защищают свои владения, очищающими кострами и звоном рыцарских мечей оберегают свой дом от вползающей в него тьмы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Демченко А. В., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2656-0

ПРОЛОГ

Боли не было. Только яркая вспышка полоснула по глазам, словно гигантский грозовой разряд. В лицо пахнуло жаром, и... все. Город, не дожив ста двадцати лет до своего тысячелетия, исчез в ядерном пламени. Но я этого уже не видел, как и миллионы других его жителей, в один миг обратившихся в радиоактивный пепел.

На этом, наверное, и должна была закончиться моя история, но... всегда есть какое-то «но». На миг показалось, что я могу услышать, как осыпается пеплом мое тело, а в следующую секунду какая-то сила неумолимо потянула... душу? сущность? мое «я»? Потянула вверх и в стороны, размазывая не желающее угасать сознание по дрожащему, искажающемуся от выплеска невероятной энергии пространству. Мир вокруг рвало и корежило, он содрогался в конвульсиях, а моя суть, словно в противоположность окружающему безумию, не желая растворяться в этом кошмаре, начала собираться, старательно втягивая в себя вырванные из нее ошметки. Было трудно, и если бы не помощь кого-то или чего-то со стороны, это явно рефлекторное действие закончилось бы полным пшиком, точно так же как и с миллионами разрываемых душ рядом со мной. Я их не слышал и не видел, но ощущал. Это был словно многоголосый крик ужаса, в какой-то миг милостиво отсеченный от моих чувств тем же явлением, что позволило моей сути собраться в плотный, упругий комок.

Напоследок я почувал исходящую от неведомого помощника волну сопереживания, светлого и грустного. Оно подняло меня на гребень, и... Наверное, так ощущает себя шарик для пинг-понга, взмывающий со дна бассейна. Меня потянуло куда-то и выбросило — высоко? далеко? Вынесло куда-то за

пределы бушующей над погибающим миром энергетической бури.

Оглядеться бы, хоть как-то почувствовать окружающее спокойствие, но вместо этого я... просыпаюсь и, стерев со лба холодный пот, долго-долго гляжу в потрескавшийся от времени потолок и слушаю свое так неохотно успокаивающееся сердце, одновременно пытаюсь осознать привидевшиеся мне образы и понять смысл неизвестных мне, бодрствующему, слов. В сереющем свете утра, льющемся в узкую щель окна-бойницы, и без того аскетичная, моя комната смотрится еще более унылой, да и воспоминание о недавнем сне настроение отнюдь не повышает. Кошмар, которого не было, — уж очень прочно он вцепился в меня, не реже чем раз в месяц напоминая о себе. Впрочем, дед говорит, что это не просто сон, а прилипшая ко мне душа бедолаги, погибшего в горниле Последней войны, пытается достучаться, рассказать о когда-то постигшей мир беде. Ну, деду, конечно, виднее. С его-то умениями и мудростью... жаль только, что даже с ними старый так и не смог избавить меня ни от этих снов, ни от той самой души. Приходится терпеть и ждать, когда этот несчастный сумеет поведать свою историю и оставит наконец меня в покое.

Вздрогнув от утреннего холода, пробравшегося все же под тонкое шерстяное одеяло, я вскочил с топчана и, не одеваясь, занялся зарядкой. Не от большой любви к пустому дрыгоножеству, просто в этих стылых стенах поутру иначе не согреться. Жаровни давно погасли, а теплая печь находится слишком далеко от сдаваемых внаем спальных комнат. Среди здешних обитателей ходят слухи, что раньше, когда этот дом был полноценным владением, а не постоялым двором, как сейчас, в этой части здания была своя печь, но по приказу тогдашнего хозяина владения ее снесли. Вроде как этот самодур таким образом хотел наказать нерадивых слуг за какую-то провинность, да не учел начавшегося Прилива. Его воины выполнили приказ и разбили печь, а обитавший в ней дух-«запечник», потеряв дом, искажился, преобразившись в нечисть. В результате хозяин владения, как и ломавшие печь бойцы, не пережили следующей ночи, но поставить новую печь в этом крыле с тех пор стало просто невозможно. Искаженный дух, дескать, является каждый раз, как кто-то берется за дело, устраивает кавардак и вновь исчезает. Уж не знаю, правда это или оправда-

ние жадности нынешнего владельца постоянного двора, но обитателям этой части дома приходится обогревать свое жилище только жаровнями. Хотя есть здесь один постоялец из дрессировщиков, так ему комнату настоящая саламандра греет. Маленькая, правда, ну так это ненадолго. Саламандры, как и прочие искаженные, растут быстро, оглянуться не успеешь — вымахает.

— Ну занудил... Одевайся давай, завтрак ждать не будет. А тренировка тем более!

ТЬфу, опять этот беспокойный достаёт. Я скривился и потопал в мыльню. С тех пор как мне начали сниться кошмары о Последней войне, дед пытался избавить меня от этой напасти и недавно, кажется, в чем-то напортачил. Так что год назад у меня в голове объявился странный голос, иногда он не замолкает сутками, а иногда молчит по несколько дней подряд. И вроде бы вот оно, расспросить бедолагу о том, что его мучает, и конец кошмарам, да и сам он, глядишь, упокоится наконец, да не тут-то было! У подселившегося духа оказались провалы в памяти, причем весьма странные. Никаких сведений о том, кем он был при жизни и какой эта самая жизнь вообще была, у него не сохранилось, даже имени своего не помнит. То есть если говорить о кошмаре, где-то эти воспоминания все же есть, но докопаться до них мой невольный сосед не в состоянии.

— Ничего удивительного, на таком тормознутом процессоре, как у тебя, даже в тетрис не сыграешь, перегреется. Куда уж ему три-дэ видео крутить, да еще по «сетке»!

Вот-вот, говорю же, сумасшедший дух. Как что-нибудь ляпнет, так потом целый день голову ломаю, что именно он хотел сказать. Какой процессор, какое три-дэ, что такое видео? Сетка еще какая-то... Тьфу на него, нечисть мелкотравчатую.

— Эй, а вот хамить не надо! Не хочешь мигрень на сутки-другие за мелкотравчатого?

— Заткнись, убогий! Тебя даже святые отцы за полноценную нежить не посчитали! Мелкотравчатый и есть! — Каюсь, не удержал языка за зубами. И этот... пакостник потусторонний тут же ответил выстрелом боли в висок. У-у, гаденыш!

— Завтра Прилив начнется, готовься.

Вот ведь... а я думал, чего это он проснулся? А оказывается, его очередной Прилив разбудил. Вот не было печали...

— Да-да, ной больше, — фыркнул в ответ дух. — А то я не знаю, как тебе не терпится новую экипировку испытать. Да и... денежки-то заканчиваются, а?

Деньги — это да. Вторую неделю на постной каше сижу, денег осталось только на подготовку к выходу. Но и насчет экипировки прав сосед. Собственно, из-за нее и пояс затянуть пришлось, зато теперь мне даже когти ночной криксы нипочем. А это значит, меньше расходов на эликсиры и помощь целителей по возвращении из выхода. Экономия!

— Жрать иди, экономист, — буркнул дух.

Ну да, ему местная каша тоже не по вкусу. Хм, вот интересно, собственного тела у соседа нет, моим телом, как показали наши эксперименты, он управлять не в состоянии, но вот ощущать то же, что и я, вполне способен. В общем, весьма странный нечистик мне попался.

— Это я странный?! Это мир ваш странный! Сплошное фэнтези, причем, зараза, темное, как вылезший из забоя Перумов!

Опять из него непонятная дурь поперла. Фэнтези, Перумов... Что это такое? И ведь спрашивать бесполезно, все равно не ответит... или ответит, что еще хуже, поскольку от его объяснений у меня мозги плавятся!

Я вздохнул и, кивком поприветствовав стоящего за стойкой Арса — хозяина постоянного двора, — устроился на своем обычном месте, за столом у окна в ожидании завтрака. Ходоки обычно предпочитают сидеть по углам зала или хотя бы у стены, чтобы «спину прикрыть», но я считаю, что это дурость. Оно конечно, в выходе следует быть осторожным, но «паранойти», как говорит сосед, сидя на постоянном дворе, защищенном словом Церкви, это уже извращение. Безопаснее места нет на сотню километров вокруг, так сам Свет велел здесь расслабиться и отдохнуть после выхода, а упрямые ходоки не перестают себя накручивать. Дед говорит, что это дело привычки, а по-моему, сосед прав, когда утверждает, что именно из-за этой привычки среди ходоков нормальных людей нет вообще. Все с сумасшедшинкой, причем каждый со своей.

— Ага, дурдом «Веселый резчик» на выезде. Собрание анонимных мясников!

Опять он за свое. Не любит нашего брата мой сосед. И зря. Среди ходоков очень неплохие ребята встречаются. А что с придурыю, так у кого ее нет? Просто мы не считаем необходимым скрывать свои недостатки.

— Особенно в присутствии гостей.

Язвительность — наше все. С другой стороны, а что еще остается бесплотному духу, неспособному даже передвигаться самостоятельно... Хм, надо же, промолчал! Но по поводу гостей сосед в чем-то прав. Ленбург хоть и имперский город, но довольно небольшой, и живет он в основном за счет ходоков. Собственно, подавляющее число населения города и состоит из ходоков. Бывших, будущих или настоящих. А гости — это неизбежное зло, с которым нам приходится мириться, ради той их малой части, что вливает свежую кровь в наш город. Но это единицы на фоне сотен людей, прибывающих в Ленбург в поисках приключений, выгоды или того и другого сразу. Половинадохнет в первых же выходах, а большая часть оставшихся в живых делает отсюда ноги при первой же возможности. И в принятии этого решения им в том числе способствуют и ходоки, всеми возможными способами. А что делать? Конкурентов никто не любит... как и хамов, которых среди гостей почему-то попадает как-то слишком много.

— О чем задумался, Дим? — Лавка напротив скрипнула, принимая на себя немалый вес. Мне же даже взгляда от тарелки не пришлось отрывать, чтобы узнать заговорившего со мной человека. Два метра роста, сто сорок килограммов живого веса и пудовые кулаки, с успехом заменяющие ему меч и шпагу. Ну, по крайней мере, на дуэльном поле никто не жаловался... мертвецы вообще ребята молчаливые, во всяком случае пока не поднимутся. Ну а о том, чтобы этого не произошло, мой собеседник способен позаботиться так, как не всякий святой отец сможет.

— Доброе утро, дед, — отозвался я.

— Доброе-доброе. Привет соседу. Опять барагозит? — ухмыльнулся старый в усы.

— Немного. — Я поморщился, потеряв висок, который вновь кольнуло болью. Дух решил напомнить о вежливости... сволочь. — Он тебя тоже приветствует.

— А кроме приветствий, он ничего сообщить не хочет? — прищурился дед.

— Если ты о грядущем Приливе, то я уже в курсе, — улыбнулся я.

— Замечательно. — Старый явно обрадовался, и я даже знаю, чему именно. Прилив — значит, скорый выход. А выход — это прибыль для меня и пополнение запасов одного старого алхимика.

— Даже не надейся, — с ходу решил я обломать деда, пока тот не начал сочинять планы на ближайший месяц. — Раньше, чем через три дня, я за город носа не высуну.

— А как же испытание?! — возмутился старый. — Я для кого старался, спрашивается?

— Для своего кошелька? — осведомился я. — Помнится, ты на это бронирование такую цену установить решил, что ее не всякий ходок осилит. Вывод? Решил взять стоимостью, а не валом.

— Вот когда ходоки станут с каждого выхода приносить по сердцу жвальня, тогда и цену сбавлю. А до тех пор — увы и ах, — делано печально вздохнул старый, но тут же сменил тон на деловой: — Значит, отправляешься через три дня?

— Не раньше, — кивнул я. — Пока первая волна Искажения пройдет, пока гости тварей накормят... сам понимаешь, до тех пор одиночке без поддержки в руинах делать нечего.

— Ла-адно. — Дед огладил короткую бородку и, зыркнув по сторонам (это в пустом-то зале! — прав сосед насчет паранойи, ой, прав), выложил на стол тихо звякнувший подсумок. — Держи, Дим. Это, конечно, не поддержка словом Церкви, но все же...

— Неужто «благодать»? — изумился я.

— Тсс! — Старый сделал страшные глаза и зашипел не хуже каменной гадюки. — Ты еще на весь Ленбург проори! С ума сошел?

— Ладно-ладно, извини, — поднял я руки в жесте сдающегося и, смахнув подсумок себе на колени, довольно улыбнулся. — Спасибо.

— После выхода скажешь. Список «благодарностей» найдешь внутри. — Дед подмигнул и, поднявшись из-за стола, отчего лавка, кажется, облегченно скрипнула, потопал к выходу, по пути заставив посторониться компанию только что вошед-

ших в зал гостей города, расфранченных по последней столичной моде. Замшевые камзолы с золотым шитьем, «зубочистки» в богатых лопастях, напомаженные усики... точно столичные дворяне нервы пощекотать пожаловали.

В другой момент я бы дождался ходоков и насладился театром, но сейчас... от нетерпения я смолотил кашу меньше чем за минуту и, кивнув лениво поглядывающему по сторонам Арсу, поспешил в свою комнату.

Часть первая

ЭТОТ ЧЕРНО-БЕЛЫЙ МИР

ГЛАВА 1

Освоил подарок, называется. Я обвел взглядом вываленное на стол содержимое подсумка и ошарашенно помотал головой.

— И в чем проблема? — Спокойный, разве что чуть окрашенный недоумением голос соседа в голове встряхнул меня, выводя из ступора. Мысли, разбежавшиеся было от одного вида дедова подарка, устаканились и даже, кажется, закрутились быстрее.

— Проблема? Это, брат, не проблема, это полный... — От волнения я заговорил вслух. — То, что ты видишь... то есть мы видим, это так называемая «жидкая благодать». Но тут есть два момента. Первый — эликсир с таким названием готовят только святые отцы, и они очень не любят, когда кто-то лезет в их епархию. И это бы еще ничего, все-таки доказать, что эликсир произведен не в одном из монастырей, невозможно. Но тут вступает в силу второй момент... я сейчас приоткрою одну склянку, а ты попробуй ощутить эманации ее содержимого.

Покрытый белоснежным узором изморози фиал щелкнул прижимным рычагом, а в следующую секунду я вновь запер склянку... от греха.

— Тьмой прет! — В тоне соседа послышалось неподдельное удивление.

— Именно. Это так называемая «черная благодать». Запретная штука, которую некоторые ухари вроде моего деда делают из вытяжки соков доброй сотни искаженных трав и еще хрен знает чего, но тоже совсем не светлого окраса. В отличие от обычного эликсира, который можно использовать в совершенно разных целях, эту дрянь применяют только ходоки во время вылазок в гнездовья, чтобы искаженные твари на их присутствие не реагировали... и темные для каких-то своих ри-

туалов. Собственно, именно из-за последнего он и запрещен повсеместно. Откуда деду известен этот рецепт, ума не приложу. Но вообще можно сказать, что у меня в руках сейчас готовый приговор как минимум на десяток лет очищения в одном из горных монастырей. А если старый с рецептом спалится, инквизиторы его казнят. Без пролития крови и отпевания, как отступника. Поганая смерть.

— Брось бяку, — безапелляционно потребовал сосед.

— Ну уж нет! — Я даже головой помотал. — Таковую роскошь выбрасывать — все равно что собственную удачу в карты проиграть. С этим эликсиром можно даже в городские подземелья в одиночку лезть, ни одна тварь не тронет. По крайней мере, на верхних уровнях. А ниже забираться я не дурак. Эх, может, действительно завтра на выход, а?

Дух не ответил. За ним вообще водится такая привычка внезапно замолкать, чуть ли не посреди разговора. Нечасто, правда, но бывает. И ладно, у меня тоже дела есть... теперь. С получением подарка деда придется перекраивать планы на выход, а для этого следует не только прикинуть свои новые возможности, но и в предоставленный им список «благодарностей» заглянуть не помешает. Уж в чем в чем, а в бескорыстии старого не упрекнуть. За свои творения он всегда берет по высшей планке, и пусть качество артефактов и боевых эликсиров его производства стоит каждой уплаченной за них монеты, но то деньги, а мне придется расплачиваться добычей! И знаю деда: в списке будут не просто редкие и дорогие, а трудно добываемые ингредиенты... можно сказать, смертельно трудные. Впрочем, эликсир того стоит.

Как и ожидалось, список совсем не напоминал перечня продуктов, которые можно купить на базаре. Одно хорошо: вопреки моим ожиданиям, среди требующихся деду ингредиентов не было ничего сверхопасного. Искаженные травы, которые можно найти после любого Прилива, не углубляясь в руины, части тел измененного зверья, хищного, как и все искаженные твари, но обитающего на поверхности, а значит, не такого опасного, как подземные обитатели, которых и не заметишь, пока они не впрыснут в тебя какой-нибудь хитрымудренный яд. Хотя... вру. Вот один из пунктов списка: «брюшко бледного паука». Зачем, интересно, старому понадобилось аж два десятка ядовитых желез этой гадости?

Да, поторопился я радоваться легкости исполнения задания деда. Погорячился. Бледные пауки водятся только в западной части руин, это не городские подземные лабиринты, конечно, но тамошние подвалы тоже не место для отдыха, и всякой гадости в них хватает. А уж пауки... это вершина тамошней пищевой цепочки, как выражается мой сосед.

А что я о них помню? Восемь конечностей, шесть длинных многосуставчатых лап и две свернутые плети-стрекала вместо четвертой задней пары, крепятся к небольшому округлому телу, способному становиться почти плоским. Охотятся из засад. Удар плети с легкостью вспарывает кожаный доспех, а яд убивает человека за несколько секунд. Мало, где тут мой справочник?

Порывшись в шкафу, я выудил из его недр небольшую шкатулку, в которой хранятся мои немногочисленные сокровища. Открыв кодовый замок, вытащил обрамленную металлической рамкой полупрозрачную пластину личного дневника и, проведя пальцем по матовой поверхности с изображением щита пятикрестника, тяжело вздохнул. Этот образчик древней научной мысли, произведенный на имперских заводах, отобранных у давно уничтоженного ордена, всегда вызывал у меня недоумение. И чего только не хватало современникам моего соседа, когда у них были ТАКИЕ артефакты? И ведь видно, что это не игрушка для богачей, вполне обычный предмет обихода, как ложка или нож. Правда, это было раньше. Сейчас такой дневник стоит пять-шесть сотен золотых, и это при том что на сотню в Ленбурге можно полгода прожить, ни в чем себе не отказывая!

Пластина осветилась мягким, почти незаметным светом, и по ее поверхности побежали непонятные символы. Миг, и вместо строчек какой-то абракадабры я вижу несколько схематичных черных картинок-значков на белой панели. Ага, вот он. Палец коснулся одной из картинок, и на пластине развернулся справочник-бестиарий. Удобная вещь, можно не только почитать сведения о разных созданиях Тьмы и способах их добычи, но и увидеть изображения тварей. А еще здесь есть возможность редактировать описания и добавлять новые статьи, даже снабжая их собственными картинками — «фотографиями», как называет их мой сосед. И делаются эти самые фотографии с помощью самого дневника.

Так, бледный паук... Вот он. Теплокровный, уже хорошо. Значит, незамеченным не подберется, тут мои очки придется очень кстати. А вот то, что он сам обладает тепловым зрением, это уже хуже. С другой стороны, а как ему еще ориентироваться в отсутствие света? Радиус атаки до трех метров... ничего себе длина у стрекал!

Чувствителен к резкому перепаду температур... это значит, что лучше всего бить его либо огнем, либо льдом, и тут даже прямое попадание не обязательно. Но в моем случае огонь не подойдет. Сразу можно ставить крест на трофеях. А это не только ядовитые железы по заказу деда и лапы, которые охотно возьмут в любом трактире Ленбурга, но и кладка яиц, и паутина, правда, на последние можно рассчитывать, только если наткнусь на гнездовье, а там пауки обычно обитают по три-четыре десятка, если верить bestiарию... А ему можно верить. Я ведь только на покупку у ходоков обновлений для него потратил уже больше двухсот золотых. Правда, и заработал полторы сотни. Кое-кому пришлось по нраву мои карты южной части руин.

Ладно, с пауками разобрались, буду работать ледяными рядами, заодно и паутину от клея избавляю. Судя по описанию, он от холода становится хрупким и ломким, легко и быстро счищается. А из самой паутины получают неплохие изолирующие мешки для трофеев. Это хорошо, в Ленбурге такие мешочки в цене. Кстати, надо бы и насчет остальных возможных трофеев побеспокоиться. Что там на западе водится, сколько стоит... прикину расходную часть и решу, что и сколько нужно будет собрать в выходе, чтобы не остаться внакладе.

— Идем по магазинам? — О, вот и сосед нарисовался.

— Не по магазинам, а по лавкам, — мысленно уточнил я. — Нечего нам на складах делать, не те объемы, но я тебя понял. Да, нужно пройтись, наведаемся к алхимикам, зельеварам, да и в оружейную лавку заглянуть следует. У меня ледяных болтов к арбалету почти не осталось, да и бомб нет, а они нам в охоте на пауков ой как пригодятся.

— Не спеши, ходок. Посмотри сначала, какие твари в тех местах водятся, помимо пауков, а еще лучше — выпиши их на листок да прикинь, с чем против них выйдешь, если нечаянно наткнемся.

— А выписывать-то зачем? — не понял я. А когда сосед объяснил, чуть не покраснел от стыда. Ну да, мог бы и сам догадаться. Не буду же я в каждой лавке вытаскивать дневник, чтобы определить, водятся ли на моем маршруте те твари или растения, что требуются вот этому конкретному алхимику или зельевару?

Работа с дневником заняла добрых три часа. И дело было не только в выписке возможных трофеев, на которой настоял сосед. Прокладка маршрута, пусть и примерного, тоже отняла немало времени, даже несмотря на то что более точно прокладывать путь я буду позже, когда наберу заказов. А подсчеты, связанные с закупкой необходимой экипировки?

В общем, с постоялого двора я вышел, когда солнце уже перевалило за полдень, а жители города начали с нетерпением поглядывать на городские часы в ожидании, когда те пробьют два раза, знаменуя начало обеденного времени. И их можно понять. По той жаре, что установилась в окрестностях Ленбурга с самого начала лета, работать в разгар дня желающих немного. Пыльно, душно... и хочется только одного: укрыться в тени с кувшином холодного пенного. Ну а мне это только на руку. Торговаться с разморенными от жары лавочниками куда проще. И начну я, пожалуй, с заказов. Сначала определяюсь с тем, что нужно нашим алхимикам и их собратьям-зельеварам, а потом уже отправлюсь докупать экипировку и боеприпасы.

Травы-твари-травы-твари... в преддверии очередного Прилива наши работники колбы и реторты, кажется, посходили с ума! Стоило мне только заикнуться о заказе, как на меня вываливали целый ворох всяческих «надо», «хочу» и, главное, «как можно больше». А я не ломовик, тонну припасов за один раз не притащу.

Вообще странно все это. То ли мне повезло и я оказался первым ходоком в этом сезоне, озаботившимся заранее разжиться заказами, то ли здесь что-то не так.

— Не так, не так, — подтвердил мои размышления Хромой Зюйт, от одного вида которого у меня появляется ощущение щекотки в мозгу. Это сосед так смеется. Хотя чего смешного он нашел в этом носатом зельеваре с сальными волосами, вечно наряженном во все черное, по церковной моде, я не понимаю.

— И не поймешь, — простонал дух. — Но зельевар же! Зюйт, чтоб его!!! Южный! Почему хотя бы не Норд? Это было бы если не логично, то хотя бы созвучно!

— Так что не так-то? — мысленно отмахнувшись от закатывающегося в хохоте соседа, спросил я Хромого. Тот криво усмехнулся.

— Цеха договорились о прямых поставках. Ходоки сдают трофеи своему синдикату, а уже тот передает заказы по заранее утвержденным спискам нам. Твердые цены, гарантия поставки... это все здорово, конечно. Но ты даже не представляешь, какая война идет у нас в цехе за каждый трофей. Кому, сколько, когда. А ведь у каждого из нас свои планы, устаканенный процесс производства, а из-за этих новшеств придется все это ломать и перестраивать. Что означает потерю времени и убытки.

— Неужели все так серьезно? — покачал я головой.

Хромой в ответ пожал плечами:

— И да и нет. Не всякий алхимик или зельевар может безболезненно потерять сотню-другую золотых, даже если в дальнейшем эта потеря вернется к нему сторицей. Просто не хватит жировых запасов. Но есть ведь еще и ходоки-одиночки вроде тебя, не состоящие в цехе. Правда, ты действительно оказался первым, кто пришел к нам за заказом в этом сезоне. Так что не все так страшно, этот цирк мы сможем пережить без особых потерь, а вот тебе я советую быть готовым к тому, что ваша вольница заканчивается. Время ходоков-одиночек прошло. Сегодня цеховые подминают под себя централизованную торговлю с алхимиками и зельеварами, а завтра они заберут себе все, и вам придется искать заказчиков где-то на стороне. А это, как ты сам понимаешь...

— Контрабанда, — кивнул я. — За которую власти Ленбурга по головке не погладят.

— Именно. Контрабанда, столь люто ненавидимая нашим бургомистром, от которой рукой подать до больших неприятностей с Церковью, — уточнил Хромой.

Новости, сообщенные мне зельеваром, не радовали. Я, конечно, не великий мудрец, но понять, что Зюйт прав, это не мешает. Цеховые всегда относились к свободным ходокам с настороженностью и недоверием, считая, что мы отбираем их хлеб. И не раз делали попытки подмять нас под себя. Но пока в

кресле главы цеха алхимиков сидел прежний синдик, эти поползновения были обречены на провал. Старик великолепно понимал, что монополия цеха ходоков в конце концов приведет к росту цен на ингредиенты, и всюю противодействовал этим попыткам. Но увы, год назад он покинул свой пост и... занял место советника нашего бургомистра. А нынешний глава цеха не отличается предусмотрительностью своего предшественника и давно известен своим стремлением собрать всех ходоков под крышей цеха. Любыми способами и методами. Одно непонятно: как старый синдик мог допустить такое развитие событий, тем более находясь на должности советника? Хм... кажется, мне нужно кое с кем посоветоваться.

ГЛАВА 2

Мой носитель в корне не прав. И я сейчас говорю вовсе не о грядущих проблемах ходоков, они меня не очень-то и волнуют. Речь о другом. Он упорно считает меня неким выходцем из прошлого. Может быть, в этом предположении и есть доля истины, но лишь доля. Нас действительно могут разделять годы, если не тысячелетия, но мое прошлое и прошлое его мира — это не одно и то же. Я не помню себя, не помню своих близких и друзей, окружавших меня ТАМ, но я сохранил память о своем мире, пусть неполную и зияющую прорехами. Тем не менее, опираясь на нее, могу четко сказать: мы из разных миров.

Алхимия, зельеварение, маги и злые колдуны — всему этому, по моему глубокому убеждению, место на страницах фэнтезийных книг, но никак не в реальности. Не было у нас ничего подобного. А здесь есть. Вывод? Скорее всего, выбросом энергии при гибели прежнего мира мою душу, или сущность, зашвырнуло в какую-то параллельную или «перпендикулярную» реальность. В пользу этого факта говорит и похожее ночное небо, и Луна, и та же метрическая система (это при полном отсутствии французов!), один в один повторяющая известные мне единицы измерения, и даже язык, пусть мне и трудно воспринимать его на слух, ввиду того что получаю всю входящую информацию через фильтр разума моего носителя, но и он очень похож на мой родной... название которого я забыл.

Но, как я и говорил, есть и серьезные расхождения. Другие города, иная география, хотя что-то похожее опять же прослеживается, ну и магия. Только она здесь несколько странная. Магов, как они были показаны в книгах моего мира, здесь нет, точнее, есть, но зовутся они иначе. Зато в достатке алхимиков, зельеваров и... черных колдунов.

Вот последние, судя по описаниям Дима, и есть те самые, привычные мне по фантастическим книжкам маги. Они и ритуалы всяческие творят, и огненным шаром с руки запустить могут, мертвецов поднимают, химер всяких создают — и вообще ведут себя, как и положено книжным магам. Но отношение к этой братии здесь насквозь утилитарное: за ушко и на костер.

Местная церковь колдунов не терпит, да так, что те и живут только до первой встречи с представителями Инквизиции или братьями-рыцарями. Да, есть здесь и рыцарские ордены, как подчиненные церкви, так и состоящие на службе правителей... по слухам, сам-то я их пока не видел, не довелось. Впрочем, не только церковники давят черных. Обычные люди их тоже не очень-то жалуют, я бы даже сказал, люто ненавидят. В причинах такого отношения я пока разобраться не смог, а носитель, то есть Дим, на все попытки прояснить этот вопрос лишь плечами пожимает — дескать, это же черные! С ними только так и нужно... А почему, зачем — нет ответа. Ну да ладно, как-нибудь разберусь. Все равно мне здесь больше делать нечего, только наблюдать за жизнью Дима да размышлять. Остальное мне недоступно. Я даже поговорить ни с кем не могу... хотя нет, вру. Тот гигант, которого носитель зовет дедом, прекрасно осведомлен о моем присутствии в черепашке его бывшего воспитанника, и иногда мы перекидываемся с ним парой фраз. Но уж больно занятой этот дед, так что у него довольно редко выпадает минутка для беседы с бесплотным духом.

Вот, кстати, интересный факт. Я почему-то уверен, что если бы подобный феномен обнаружили в моем прошлом мире, то дело не обошлось бы без его скрупулезного изучения самыми разными специалистами. Здесь же пригласили инквизитора Ленбургского Дома, тот провел пару каких-то обрядов, подтвердил отсутствие Тьмы — и... все. Никаких попыток разобраться в причинах происшедшего, никаких исследований. Тьмы в теле нет — свободен. Хотя соответствующий документ с описанием нашего с Димом случая тот инквизитор все же на-

писал, но не отдал носителю, а отослал в столицу империи. Для архива! Весело.

Я не знаю, когда появился в разуме Дима. Он говорит, что сны о так называемой «Последней войне», в которых я опознал последние мгновения собственной жизни, ему снятся примерно с семилетнего возраста, то есть уже лет десять, но я осознал себя лишь около года назад, правда, с огромным багажом знаний о самом Диме... и с почти полным отсутствием каких-либо сведений об окружающем мире. Почему так? Не знаю, может, раньше его мозг просто не в состоянии был принять два сознания? Как бы то ни было, но вот уже целый год я смотрю на мир чужими глазами, слышу чужими ушами и прикасаюсь к нему чужими руками. Плохо? Вот уж не думаю. По сравнению с небытием это счастье! И я не хочу его лишиться, а потому стараюсь оберегать своего носителя от разных глупостей. Но надо заметить, что парень и сам далеко не дурак, так что одергивать его мне приходится не так часто. Даже немного удивительно. Диму всего восемнадцать, а поведение и разумность больше соответствуют опыту двадцатипятилетнего. С другой стороны, здесь условия жизни такие, что дети взрослеют рано, и пусть пятнадцатилетних капитанов мне встречать пока не доводилось, но вот управляющих лавками или торгующих на базаре крестьян, которым еще года два-три не нужно будет думать о бритве, мы с Димом видали не раз. И опять же это никого не удивляет, все в порядке вещей.

Вот и сейчас, пока я размышлял, мой носитель уже успел не только по алхимикам и зельеварам пройтись, набрав заказов на пару выходов, но и добрался до оружейных лавок, в одной из которых сейчас придирчиво рассматривает арбалетные болты с наконечниками из хладного железа, освященные в Ленбургском соборе. Хорошая штука, самоподнявшихся умертвий валит с одного попадания. Разве что по конечностям лучше не стрелять: оторвать оторвет, но подвижности мертвяка не лишит. Двух десятков таких болтов на один выход обычно хватает, если не лезть на «кладбища», но учитывая, что Дим явно не собирается выполнять все заказы сразу, надо брать как минимум вдвое больше. Учитывая цену в двадцать пять медных за болт, сорок болтов обойдутся нам в двадцать серебряных монет... или в пару золотых. Но это за болты с наконечниками из хладного железа, а если брать так называемые «ледян-

ки», то цену можно смело удваивать. Оружие, обработанное алхимиками, всегда дороже, чем обычное. Про гранаты и вообще молчу. Здесь только алхимики их и делают, и цена у них соответствующая. Конечно, есть вариант и попроще, а именно — купить вместо освященных болтов или тех же «ледянок» обычные с серебряными наконечниками, но это... паллиатив. Серебро, конечно, действует на искаженных тварей не хуже, да только такие болты получатся одноразовыми. Уж не знаю, что там за реакция происходит при соприкосновении серебра с тварью, но разрушающий эффект налицо. И твари конец, и, что характерно, болту тоже. В общем, если не хочешь переплачивать, лучше брать освященные боеприпасы, есть шанс успеть вырезать их из «мишеней» и использовать еще не один раз. То же самое и с болтами, обработанными алхимиками, хоть ледяными, хоть огненными. Вторичная обработка десятка болтов обойдется всего в полсотни медных монет. И это куда выгоднее, чем использовать одноразовые серебряные болты.

А Дим действительно решил закупиться по полной программе. Одних болтов, освященных и «ледяных», набрал добрую сотню. Минус семь золотых и пять серебряных. Да десяток «ледяных» гранат, это еще минус пять золотых. Вот ведь только закупаться начали, а уже двенадцать с половиной золотых как не бывало! Да ТАМ на эти деньги можно было пару месяцев в пятизвездочном отеле на курорте отдохнуть по системе «все включено»... кажется.

И ведь это не все, что нам нужно приобрести! Еще припасы в дорогу, мешки для трофеев, те самые, с изолирующим покрытием из паутины бледных пауков или какого-то ее аналога, еще кое-какие мелочи. И это тоже не в пару медяшек обойдется.

В общем, к возвращению на постоянный двор кошелек Дима полегчал на добрых пятнадцать золотых, а значит, от и без того небольшого нашего бюджета остались сущие крохи. Три золотых, если быть точным. Но зато можно с уверенностью утверждать, что все необходимое для следующих двух выходов мы приобрели. Теперь можно поужинать, расслабиться с книжкой, а с утра отправляться в первый выход. Правда, вместо всякой беллетристики у нас с Димом в планах чтение дневника-бестиария и уточнение завтрашнего маршрута, теперь уже на основании тех заказов, что дали нам алхимики и

зельевары. Нужно точно определиться, в какие места занесет нас этот выход и какие твари могут встретиться на месте сбора тех же заказанных трав. Да и вообще отдых отходом, а самоподготовки никто не отменял. Тем более что экзамены на знание материала у нас будут принимать совсем не добродушные профессора, а те самые твари, что описаны в бестиарии. И лучше бы нам этого экзамена не проваливать. Не знаю, как Диму, а мне умирать совсем не нравится, однозначно.

Утро... не знаю у кого как, а у Дима, как, кстати, и у многих знакомых нам ходоков, оно начинается с тренировки. Ну, почти каждое. И я стараюсь присутствовать на каждой. То есть старательно прочувствовать и запомнить каждое движение, каждый выпад фальшиона, которым фехтует, то есть сражается, Дим. Не от большой любви к оружию или рукопашному бою, которым занимается мой носитель, нет... просто, сосредоточившись на его действиях, в какой-то момент я начинаю ощущать их как свои собственные. Словно это я сам веду бой с тенью или наношу удары коротким тяжелым клинком. Это непередаваемое ощущение — чувствовать каждый шаг, прыжок и удар. Тяжесть фальшиона в руке или скатывающуюся по шее каплю пота. Холодящий разгоряченную кожу ветерок и запах стали и кожи... Острое, почти физическое удовольствие. Жаль только, что длится оно не так долго, как мне хотелось бы. С окончанием тренировки Дим выходит из своеобразного трансa, и мои ощущения блекнут, словно притупляются, хотя и не исчезают до конца. А вместо них приходит легкая зависть к Диму и его умениям и сожаление о том, чего мне самому не дано. А то, что он творит с тем же фальшионом, действительно достойно уважения. Впрочем, не только с фальшионом, но иные клинки Дим не очень любит, и, однажды увидев бой команды ходоков с нежитью в руинах, я теперь понимаю и разделяю это его мнение.

Шпаги, даже те, что распространены среди дворян, живущих войной, пусть тяжелые, больше похожие на легкие мечи, все равно неважное оружие против умертвий, совершенно нечувствительных к порезам и уколам, или нежити, частенько обладающей собственной весьма прочной броней, а уж в тесноте подземных лабиринтов еще и крайне неудобное. То ли дело хороший топор или короткая абордажная сабля, массивная, тяжелая, с одного удара отсекающая противнику лишние

части тела. Нет, конечно, и шпагу местные алхимики могут доработать так, что по рубящим свойствам она не уступит палашу или фальшиону, а то и вовсе будет разрывать тела нечисти и нежити на куски с одного касания, но обработку, и без того весьма недешевую, придется время от времени обновлять, так что про цену такого оружия и говорить не приходится, да и длина шпаги все же избыточна. В общем, это оружие не для ходока и даже не для солдата, скорее для поединщика-дуэлянта. Но разве дворян, по дурости сующихся со своими «вертелами» в руины, убедишь? Дохлый номер. Правда, некоторые из тех, что выжили после первого похода к искаженным тварям, сами приходят к нужным выводам, да только благодарить советчиков не торопятся. Гонор-с.

Есть и еще одна вещь, почему я завидую своему носителю, и она не имеет никакого отношения к его воинским талантам. Я могу почувствовать, пусть и несколько отстраненно, вкус еды и вина, касающихся его языка, ощутить жар огня и холод льда, обжигающие его кожу... но терпеть походы Дима к веселым девкам НЕ-ВЫ-НО-СИ-МО!!! В такие моменты я чувствую себя импотентом-мазохистом, смотрящим порнуху от первого лица. Брр. А потому стараюсь забиться куда-то поглубже в сознание носителя, ухожу в транс и отключаюсь на пару-тройку дней, пока не успокоюсь. И кажется мне, что Дим о чем-то таком догадывается, но виду не подает. Да и бог с ним! Еще не хватало, чтобы он напрягался из-за этой проблемы, не дразнит — и ладно. Иначе, боюсь, я мог бы сорваться, а к чему приведет такой срыв, неизвестно ни мне, ни ему. Так что переживу как-нибудь... Наверное. Надеюсь... м-да.

Из-за дедова эликсира Дим все же решил перенести время выхода на полдень нынешнего дня. С одной стороны, самый солнцепек, с другой же... минимум возможных спутников и никакого столпотворения на воротах. Все, кто хотел, вроде крестьян с ближайших хуторов, уже в городе, искатели приключений из столиц еще отсыплются на постоянных дворах, а свой брат-ходок в первый день Прилива на выход не рвется. Хех, совсем уже к местной жизни привык, вот и ходоков за своих считать начал. Или себя к ходокам отнес? Дух-ходок — это забавно. Особенно учитывая, что подавляющее большинство нежити, к которой формально отношусь и я, находится, так сказать, по другую сторону баррикад.

— С чего начнем, коллега? — поинтересовался я у Дима, когда мы миновали городские ворота.

— С дедова заказа. Там крайняя точка нашего маршрута, а тащиться в руины с мешком трофеев мне совсем не хочется. Силы стоит поберечь, — решительно ответил он, привычно переходя на мысленную речь. Пусть вокруг вроде бы никого нет, но кто его знает. А говорящий сам с собой человек — это событие, вызывающее подозрения... в одержимости. И пусть ленбургский инквизитор может подтвердить, что в моем носителе нет Тьмы, нужно еще дожить до этого светлого момента, а со здешними параноиками, обитающими в непосредственной близости от руин и крайне нервно реагирующими на любые необычности, это проблема.

— Значит, сбором материалов по заказу алхимиков и зельеваров займемся на обратном пути? — спросил я.

— Или в следующий выход, если сможем сразу набить необходимое количество пауков, — кивнул Дим. — Там тоже вес приличный получится. Особенно если добавить к заказу старую паутину, кладку и лапы тварей.

— Тогда переходим на легионерский шаг, а я начинаю отслеживать живых и мертвых? — уточнил я.

— Именно. Так будет быстрее, — согласился Дим и, чуть помедлив, добавил: — Включай свой... радар.

ГЛАВА 3

Как и чем прилепившийся к моей душе бестелесный дух способен ощущать проявления жизни и эманации Тьмы, не понимаем ни я, ни дед. Но факты — упрямая вещь. Сосед мой чувствует как живых людей и зверей, так и любую нежить-нечисть и даже искаженные места за сотни метров. Он называет свое чутье странным словом «радар» и, кажется, сам не в состоянии объяснить, как он работает. По крайней мере, ни мне, ни старому так и не удалось разговорить его на эту тему. Ну и ладно. Одной странностью больше, одной меньше... главное, что на пользу делу, а остальное переживем. А сейчас... маршрут проложен, оружие проверено — вперед, ходок. За удачей и добычей.

Ленбург стоит фактически на границе освоенных земель. Отсюда рукой подать до Искаженных пустошей, а чтобы добраться до ближайших к городу руин, не нужно даже седлать лошадь. Пешком можно дойти часов за пять. Собственно, это одна из причин популярности Ленбурга у желающих пощекотать нервы дворян. Не нужно тратить время и деньги на многодневные походы в глубь Пустошей, как пришлось бы в случае выхода из любого другого пограничного поселения... да и имперский город Ленбург все же не мелкий форт какого-нибудь маркграфа. Цивилизация как-никак... пусть и своеобразная, но здесь даже театр собственный имеется и зверинец... с ратушей. А Дом¹? А командорство Томарского ордена²? Да один только квартал белых цехов³ чего стоит. Такое разнообразие качественного вооружения, эликсиров и зелий можно найти, пожалуй, только в столицах. В общем, богатый имперский город, пусть и находится далековато от метрополии. Вот и тянутся сюда всяческие авантюристы, искатели приключений и пресыщенные столичной жизнью молодые дворяне... и дворянки.

— Внимание. Группа на три часа, — вдруг прорезался мой сосед.

— Кто? Сколько? Куда? — поддержал я рубленый тон духа.

— Человек пять, сударь. Шагов за двести, сударь, — явно ерничая, ответил он, но тут же договорил уже вполне серьезным тоном: — В нашу сторону идут, и довольно быстро, на лошадях, должно быть. Но вряд ли по наши души.

Решив дожидаться гостей, я огляделся по сторонам и, отыскав удобное место, присел на расстеленный у густого кустарника плащ, расположившись на самой границе рощи, мимо которой пролегал наш маршрут. А что? Со стороны незаметно, а если вдруг и разглядят, так привал — он и есть привал. Самое время, между прочим. Искаженные земли-то, считай, за этой рощей и начинаются. А здесь можно немного отдохнуть и перекусить, прежде чем идти в гости к тварям.

¹ Дом (Домский собор) — церковная резиденция, располагающаяся в имперском городе или в столице графства (герцогства, княжества).

² Рыцарский орден, занимающийся охраной границ с Искаженными землями и уничтожением темных тварей.

³ Условное название привилегированных гильдий, в число которых входят цехи ювелиров, алхимиков, зельеваров и оружейников.

Тьфу ты! Это называется, вспомни... Действительно отряд из пяти человек на лошадях, вышли наметом из-за рощи и тут же сбавили ход, пустив коней шагом. Впереди сладкая парочка, явно дворяне, и трое охранников следом.

Охотники за тварями, чтоб их. Дворянчик вон как пыжится, ручка крендельком, ладошка на эфесе длиннющей шпаги, прямо сейчас готов от всех тварей спутницу свою защитить. Камзол блестит золотым шитьем, берет с тонким пером сверкает искрами драгоценных камней в заколке... нос задрал, красуется петух перед курочкой. А вот девушка рядом с ним... м-да. И что же тебя, такую красивую да кудрявую, понесло в Пустоши с одним охотничьим кинжалом на поясе? А платье? Да в таком впо-ру на балу у бургомистра блистать, а не к тварям в гости ездить... в дамском седле сидючи. У-у... смертнички!

Охрана? Хм, нет, к этим не придерешься. Все трое средних лет, ворон не считают, вон как по сторонам зыркают. И вооружены неплохо. Короткие клинки на поясах, пристегнутые к седлам пики пятый в стремя уперты, приклады арбалетов за спинами виднеются. Для выхода в поле самое то. Главное, в таком виде в руины не соваться: с пикой там не развернешься. В общем, серьезные дядьки... но если присмотреться, можно заметить, что и они в этих местах новички. Ни один опытный ходок в стальную кирасу не влезет. На такое только томарцы способны, но их доспехи не чета обычным из-за алхимической обработки, каждый как дом в Ленбурге стоит. А здесь алхимией и не пахнет, разве что самой простенькой.

— Серые они какие-то, — подключился к моим размышлениям сосед.

— В смысле? — не понял я.

— В прямом. Что не искаженные, вижу, а точнее не читаются, — ответил дух. Это странно, но... алхимики всякие артефакты делают, только деньги плати. Наверняка и у этих прогуливающихся что-нибудь эдакое имеется.

— Может, они пока слишком далеко? — предположил я, и сосед вроде как плечами пожал. Хотя откуда им взяться у бесплотного-то духа? Ну и ладно. — Подпустим поближе, определимся.

Подпустили метров на двадцать, благо за кустарником меня не видно. И все равно сосед не смог их прочитать, как он это называет. Значит, точно артефакты. Наверняка очередная

попытка какого-то алхимика скрыть свет человеческой души от тварей Искаженных земель, не применяя запрещенных методов.

Я бы, может, и дальше продолжил свои размышления, одновременно следя краем глаза за проезжающей мимо кавалькадой, но не судьба. Конь под расфуфыренным дворянином вдруг тонко заржал, заиграл, перебирая на месте тонкими ногами, и резко подался в сторону. А в следующий миг его седок полетел наземь, словно сломанная кукла, да так и не поднялся. Что за хрень?! Я проводил взглядом оставшегося без всадника коня, с диким ржанием умчавшегося куда-то в сторону Искаженных пустошей, и ошарашенно покачал головой.

— Охранники, — подал голос дух.

Я взглянул на троицу телохранителей, сопровождавших дворян, и успел заметить, как двое из них убирают разряженные арбалеты за спины. Честно говоря, в этот момент я был готов к тому, что охранники разделаются и с подружкой франта, но не тут-то было. Очаровательное белокудрое создание в небесно-голубом атласном платье остановило коня рядом с лежащим на земле трупом и отдало приказ телохранителям обыскать тело своего спутника. А когда те выполнили приказ и развели руками, не найдя искомого, девушка спрыгнула наземь и, в свою очередь сноровисто обыскав бесчувственное тело, резко выругалась. Успокоившись и еще несколько раз перерыв вещи своего незадачливого спутника, девица зло стукнула кулачком по колену и, взобравшись на лошадь, дала ей шенкелей, после чего мне осталось только наблюдать, как уменьшившийся в количестве отряд помчался в сторону старой дороги, подняв шлейф пыли с каменистой земли. Вот тебе и тепличный цветок, краса души, отрада глаз. Не хотел бы я оказаться в числе врагов этой милой девушки.

— Я его читаю, — прервал мои размышления сосед, и я вздрогнул от неожиданности.

— Что?

— Повторяю для тормозов: я могу прочесть этого бедолагу, — фыркнул дух. — Хмарь уходит, словно ее и не было.

— Так он что, жив? — удивился я.

— Без сознания, — подтвердил дух и чуть погодя добавил: — Это странно, но ощущение света от него возрастает,

и кажется, он не рассеивается, а только набирает концентрацию.

— Свет от человека? — Все страннее и страннее.

— Именно. Так не должно быть, как я понимаю. Но так есть.

Еще бы! Свет не может возникнуть из ничего. Для этого нужны действия совершенно определенной направленности. Да и в этом случае благодать не может найти пристанища в теле человека или его душе, не может там сконцентрироваться. Да, по совершении некоторых действий она зарождается в человеке и озаряет все вокруг, но не удерживается и секунды в сотворившем ее. Очистив своего создателя и то или тех, что его окружают, свет растворяется в мире, делая его чуть чище. В отличие от черноты, которая, зародившись в человеке, может искалечить тело или пожрать душу, а чаще и то и другое. По крайней мере, так говорит дед. Но здесь... здесь, если верить соседу, происходит то, чего быть не может. Человек источает свет, и тот не рассеивается в мире. Так не бывает!

— Осмотрись, здесь никого нет? — попросил я духа.

— Думаешь, набегут твари? — понимающе произнес он и уточнил через несколько секунд: — Чисто.

Оглядевшись вокруг скорее по привычке, нежели действительно рассчитывая обнаружить то, что мог «проглядеть» мой сосед, я поднялся с плаща и, накинув его на плечи, метнулся к телу, по-прежнему неподвижно лежащему посреди каменистой пустоши.

Жив, действительно жив, хотя и без сознания. Никаких болтов в теле. Били ледяной пулей, не разрывной, на малом натяжении... только чтобы оглушить, но наверняка. И скорее всего, чтобы потом этой пули никто не нашел. Могу поспорить, точно такая же угодила в круп лошади, заставив нервно-го дарাগонского скакуна умчаться прочь.

— Стоп. Вот этот артефакт, — проговорил сосед. В руке у меня лежал небольшой мешочек из тех, в которых сентиментальные кавалеры хранят локон волос предмета их воздыхания или выпрошенную безделушку.

Осторожно развязав кожаные тесемки, крепко стянувшие горловину расшитого бисером мешочка, я вытряхнул на ладонь небольшой, покрытый изморозью стеклянный флакон в серебряной оправе, с притертой крышкой. Подтекающий фла-

кон. Что-то везет мне в последнее время на «жидкую благодать». То черная, теперь вот светлая... эх!

Ну, хоть стало понятно, откуда столько света. В фиале-то жидкость не фонит, но стоит его открыть... и лучшей приманки для тварей Пустошей не найти. Правда, в данном случае его никто не открывал. Разбили? Не похоже.

Я провел пальцем по крышке флакона и удивленно хмыкнул. Палец оставил на стеклянной с виду крышке еле заметную вмятину. Хо! Лед, значит... удивительно чистый, надо заметить. Предусмотрительно, как и с пулей. Пока окружающая температура невелика, крышке хватает охлаждения от находящейся внутри флакона жидкости, но стоит ему оказаться в тепле, как ледяная пробка начинает таять и «жидкая благодать» истекает и испаряется, подавая сигнал для тварей Пустоши, инстинктивно стремящихся уничтожить любые намеки на свет. Но самое главное, как и в случае с пулями, доказать убийство будет невозможно. Жидкость испарится, как и пробка, так что останется лишь пустой флакон да ошметки растерзанного тела и эманации Тьмы от пировавших искаженных тварей. Вот интересно, чего же такого натворил этот дворянчик, что барышня измыслила для него такую казнь?

— Думаю, этот вопрос можно будет решить позже, — встрял сосед. — Скоро сюда доберутся первые искаженные.

— Ты прав, — отозвался я, и, словно в подтверждение сказанного духом, откуда-то из-за рощи донесся знакомый заунывный вой.

Бредни почуяли приманку. Не слишком опасные по одиночке, похожие на облезлых волков-переростков с треугольными, стоящими торчком ушами и узкими мордами с огромными клыками в смердящих гнилью пастях, обладающие поджарыми телами и гипертрофированными когтями на длинных костлявых лапах, для охоты эти твари сбиваются в стаи до десятка особей и преследуют свою добычу неделями, выматывая постоянными короткими атаками, не давая ей остановиться даже на мгновение. И лишь загнав свою жертву до полу-смерти, бредни кидаются на нее скопом. Милые песики, в общем... И сейчас они явно учуяли эманации Света, а значит, уже идут сюда.

Флакон с благодатью летит в сторону, и я, нащупав в под- сумке «подарок» деда, аккуратно капаю содержимое фиала на лоб по-прежнему пребывающего без сознания дворянина. Следующую каплю размазываю по собственному лбу и, по- морщившись от холода, встряхнувшего тело, вновь закупури- ваю фиал. Теперь у нас есть все шансы уйти от тварей, но... вот не думал, что так скоро придется воспользоваться этим элик- сиром!

А теперь... теперь нужно поторопиться. Стянув, точнее, срезав с бесчувственного тела плащ и камзол, я вытащил нож и, полоснув по предплечью руки дворянчика, основательно окропил кровью снятые с него вещи. Так, а вот шпагу и кин- жал этого неудачника придется оставить здесь. Вряд ли кон- тролер поверит, что бредни сожрали их вместе с телом. Но немного забрызгать оружие кровью не помешает: пусть твари погрызут железо, так будет достовернее. А в том, что контро- лер непременно сюда заявится, я не сомневаюсь. Тот, кто способен придумать такой заковыристый план, не оставит дела на самотек и обязательно проверит, как сработала его за- тея.

Следующий фиал почти мгновенно затянул порез на руке дворянчика, я взвалил тело на спину и поспешил укрыться в роще, но останавливаться в ней не стал. Наоборот, оказавшись под сенью деревьев, постарался прибавить ходу, хоть это и бы- ло непросто, учитывая, что ноша мне досталась не из легких. Дворянчик, пусть и выглядел довольно субтильным, на деле оказался тем еще тяжеловесом. А вот причину этого несоот- ветствия мне удалось выяснить только на привале, в трех ки- лометрах от места, где должен был окончиться жизненный путь моей ноши. У этого неудачника под рубашкой оказалась короткая, плотно облегающая тело рубаха из стальных пла- стин, явно доработанная алхимиками и потому совершенно не стесняющая движений и незаметная со стороны. Но вот ее вес... ну да, еще ни один алхимик не смог добиться того, чтобы одновременно облегчить доспех, сделать его прочным и не стесняющим движений. Но если выбирать между прочностью и весом, я бы тоже выбрал первое.

— А где Наста?

Ну наконец-то он пришел в себя. Я окинул взглядом дер- жащегося за голову дворянчика и вздохнул...

ГЛАВА 4

Рассказ получился коротким, но весьма содержательным. И как ни удивительно, дворянчик вроде бы в него поверил, хотя доказательств я ему не представил. Впрочем, если понадобится, можно будет сводить его к роще и продемонстрировать то небольшое, что подтвердит мой рассказ. Правда, для этого придется выждать некоторое время, чтобы не нарваться на тварей или возможного контролера. И об этом я тоже ему рассказал. Мальчишке хватило.

А пока дворянчик приходил в себя и примерял вытасенный мною из заплечника и брошенный ему запасной колет, я пытался понять, что вообще толкнуло меня прийти на помощь этому... куренку. А если приглядеться к спасенному, назвать его иначе язык не поворачивается. Шестнадцатилетний недоросль, третий сын какого-то барона из центральных провинций империи, неизвестно каким ветром занесенный в наши края, вместо столицы, где его ждало теплое место студента Университета, под крылышком императора. Мир он, видите ли, посмотреть решил, прежде чем оказаться запертым в университетском городке... это по его собственным словам. Ну недоросль и есть. Ленбургские одногодки по сравнению с этим баронским сыном просто самые рассудительные люди на свете. Мрак!

— А где моя шпага, сударь Дим? — одернув в очередной раз великоватый ему колет, вдруг спросил этот...

— Пир Граммон, — подсказал сосед. Ну да, сударь Пир Граммон, третий сын барона Граммона, владельца Бордэс, так он, кажется, представился.

— Там же, где ваш кинжал и камзол... сударь Пир. Очевидно, послужил зубочисткой какому-то бредню, — ответил я.

— Надо забрать. — Он даже кулаком по раскрытой ладони прихлопнул. И тон уверенный такой! Идиот.

— Не выйдет, — покачал я головой. — По крайней мере, не в ближайшие несколько дней.

— Это клинок моего деда! Он мне сам вручил его перед смертью, и я не могу вот так его лишиться! Как вы не понимаете?! — воскликнул дворянчик, но, не увидев на моем лице сочувствия, вдруг дернул головой и, закаменев, процедил через

губу: — Впрочем, какого понимания я мог ожидать от быдла? Черни недоступно...

Что там должно быть недоступно черни, я не дослушал. Уроки деда и жизнь в Ленбурге сказались быстрее, чем бароненок успел закончить свою речь. В следующий миг мой кулак впечатался в челюсть Граммона, и тот, нелепо взмахнув руками, кубарем покатился по земле.

— Слушай внимательно, идиот. — За шкирку подняв мотающего головой Пира на разъезжающиеся ноги, я прислонил куренка к дереву, чтобы не упал, но воротника рубахи из руки не выпустил. На всякий случай. — Тебя привели в Пустоши на убой, как телка на веревочке, и у тех, кто тебя сюда притащил, были все шансы на успех, если бы рядом не оказался я, «чернь» и «быдло». И только благодаря мне ты сейчас стоишь на своих двоих, живой и здоровый, одетый в мой колет, с моим кинжалом на поясе, но даже не подумал поблагодарить за спасение, несмотря на всю твою дворянскую честь и высокое происхождение.

— Я... — Куренок, кажется, оклемался от удара и попытался что-то возразить.

Не вышло. Я крутанул рукой ворот, за который удерживал дворянчика, да так, что тот подавился словами. Но душиТЬ не стал. Отпустил. Граммон чуть постоял, покачиваясь, словно былинка на ветру, и мягко съехал по стволу дерева наземь.

Глянув на понурого мальчишку, бездумно смотрящего куда-то вдаль, я хмыкнул и отошел в сторону. Гнев мой погас так же резко, как и загорелся.

— Извините, Дим, — спустя минуту проблеял Граммон. — Я вспылел и был не прав. И... спасибо, что не бросили там, у роши.

— Проехали, — буркнул я в ответ, в стиле соседа.

— Что?

— Ничего. Забудем о происшедшем. Я тоже не должен был распускать руки, — вздохнул я.

Мальчишка молча кивнул, наблюдая, как я собираю лежащие на земле вещи и укладываю их обратно в заплечник.

— Мы познакомились в Бринно, это городок на самой границе владений отца и имперского домена, — неожиданно заговорил Граммон. — На балу у бургомистра. Она была такой... все молодые дворяне были покорены ее красотой. Смех, Дим, если

бы вы слышали ее смех. Он был... как перезвон колокольчиков. Такой нежный, переливчатый. О, я был счастлив, когда она из всех гостей выбрала меня для белого танца. А на следующий день мне пришлось выдержать три дуэли подряд от неудачливых претендентов на ее компанию. Отец и братья хорошо меня учили, я выиграл все три. Наста была впечатлена и предложила продолжить путь вместе. Как и я, она была в Бринно проездом, правда, ехала не в столицу, а в Ленбург. Я подумал, что другого шанса увидеть империю в ближайшие годы мне не выпадет, место студента в Университете никуда не денется, а отец, давая поручение, никак не ограничивал меня во времени его исполнения...

— Бешеной собаке семь верст не крюк, — прорезался сосед, и я мысленно с ним согласился. Действительно не крюк, тем более когда перед носом у собаки висит такой шмат мяса... Влюбился баронский сын, иными словами, до полной потери здравомыслия. Вопрос в одном: зачем он понадобился этой самой Насте? Не мое дело, конечно, но...

— Интересно, да? — Дух, кажется, и сам не прочь узнать подоплеку этой истории, да только времени на это у нас нет. Дело не ждет, и менять его на приключения Пира Граммона я не собираюсь. Я все-таки не третий сын барона, а сам Пир ничуть не похож на Насту. Пол не тот, и стати подкачали. В общем, ну их, эти приключения.

— Это точно. Адреналина нам и в руинах хватит, — согласился сосед и, чуть помолчав, поинтересовался: — А с этим дворянчиком что делать будем? Он же тут не выживет, а в город отправить — все равно что самим ему горло перерезать. По крайней мере, пока эта самая Миледи не уберется из Ленбурга.

— Миледи? — мысленно переспросил я.

— Наста, — пояснил дух. И ведь спрашивать, почему он ее так обозвал, почти наверняка бесполезно. С памятью у соседа не плохо, а очень плохо. Правда, лишь на знания из прошлой жизни. Ну и ладно. Сколько было этих незнакомых словечек, и сколько их еще будет.

— Граммон, я не буду спрашивать, почему эта самая Наста решила вас убить. Это ваши тайны, и меня они не касаются. Не возражайте, Пир, — жестом остановил я пытавшегося что-то сказать мальчишку. — Просто выслушайте. Возвращаться в город вам сейчас крайне опасно. То, что не получилось один

раз, вполне может удалиться вашим противникам со второй попытки.

— И что вы предлагаете? — все же вклинился в мою речь баронский сын.

— Мне нужен помощник, — честно ответил я. А что? «Черная благодать» собьет агрессию тварей, так что опасности минимум, а с помощью носильщика я смогу закрыть все заказы за один выход.

— Для похода в руины? — вытаращился на меня Граммон. И куда только подевалось все его воспитание?

— Ну а куда же еще-то? — пожал я плечами. — В одиночку мне пришлось бы делать два, а то и три выхода, а с вашей помощью можно управиться за один. За те пять-шесть дней, что мы пробудем в руинах, ваша недоброжелательница наверняка покинет город, и вы сможете спокойно вернуться.

— А если... — начал было возражать баронский сын, но я его перебил:

— Если к нашему возвращению она все еще будет в городе, поверьте, сударь Граммон, мы сможем об этом узнать заранее и так, чтобы она осталась в неведении.

— И все-таки мне с трудом верится, что Наста могла так со мной поступить, — тихо пробурчал Пир.

— Что ж, если не верите, можете прогуляться в город и посмотреть ей в глаза, — развел я руками. — Ручаюсь, она будет очень удивлена тем, что вы выжили. И непременно постарается исправить это недоразумение.

— Нет уж, предпочту повременить, — поежился Граммон и, окинув взглядом свой наряд, вздохнул. — Но я совершенно не готов к походу в руины. Благодарю вас за кинжал, конечно, но кажется мне, что его одного в предстоящем походе будет маловато.

— Моих припасов хватит на двоих, — успокоил я новоиспеченного напарника. — А оружие... поверьте, если будете следовать моим указаниям и не станете лезть на рожон, оно вам вообще не пригодится.

— Как это?! — изумился он. — Это же Искаженные пустоши! О них по всей империи легенды складывают. Будто твари здесь только и рыщут, чтобы разорвать любого несчастного, что посмеет сюда сунуться без подготовки.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЭТОТ ЧЕРНО-БЕЛЫЙ МИР	12
Часть вторая. СЕРЕБРЯНАЯ ГАЙКА	62
Часть третья. ОТ КАЖДОГО ПО СПОСОБНОСТЯМ	112
Часть четвертая. КАЗЕННЫЙ ДОМ	161
Часть пятая. ИГРЫ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ	210
Часть шестая. ГРОХОТ ЩИТОВ	259
<i>Эпилог</i>	308